

УДК 373.167.1

ДУЭЛИ И. С. ТУРГЕНЕВА В ЖИЗНИ И В ТЕКСТЕ

I. S. TURGENEV'S DUELS IN LIFE AND IN A TEXT

Антон Андреевич Аникин
Российский государственный университет
имени А. Н. Косыгина,
Москва, Россия

Anton Andreevich Anikin
Russian State University named after A. N. Kosygin,
Moscow, Russia

Аннотация

В статье разобраны биографические источники и художественные ресурсы сюжетов с мотивом дуэли в произведениях И. С. Тургенева. Приводятся исторические параллели и комментарии, основанные на переписке писателей и мемуарах. В центре разбора стоит роман «Отцы и дети», от которого проведены параллели с ранними и поздними произведениями писателя. Сделаны выводы о художественных закономерностях в эволюции сюжета о дуэли во всем массиве творчества И. С. Тургенева и о некоторых особенностях его психологии при восприятии соответствующего дворянского ритуала.

Ключевые слова: сюжет, мотив, деталь, дуэль, биография, переписка, И. С. Тургенев.

Abstract

The article deals with the biographical sources and artistic resources of the plots with a duel motif in the works of Ivan Turgenev. Historical parallels and comments based on the correspondence of writers and memoirs are given. In the center of the analysis is the novel "Fathers and Children", from which parallels with the early and late works of the writer are drawn. Conclusions are drawn about the artistic regularities in the evolution of the plot involving a duel in Turgenev's entire creative work and about some of his psychological features in the perception of this noble ritual.

Key words: plot, motif, detail, duel, biography, correspondence, Ivan Turgenev.

В силу известного *пушкиноцентризма* русской литературы напомним, что А. С. Пушкин участвовал примерно в 30-ти дуэльных эпизодах: далеко не все они были доведены до барьера, чаще вызов приводил лишь к церемониальным объяснениям, включая и первый вызов Дантеса, следующий конфликт с которым, точнее с его приемным отцом Геккерном, закончился так трагично. Почвой для поединков были не литературные, а светские столкновения, хотя среди противников встречались и писатели — В. К. Кюхельбекер, К. Ф. Рылеев (версия), В. А. Сологуб... Так или иначе Пушкин создал устойчивое представление о русском поэте как о дуэлисте. Далее шли А. С. Грибоедов, М. Ю. Лермонтов и И. С. Тургенев. Были также и фарсовые эпизоды писательских дуэлей позднего времени, т. н. «серебряного века», и даже XX столетия, а возможно, и XXI.

Поэт-дуэлист вводит соответствующий сюжет и в свои произведения: сразу вспоминаются пушкинские «Евгений Онегин», «Выстрел», «Капитанская дочка».

Таков же и И. С. Тургенев, который, в отличие от Пушкина, более вращался в среде, чуждой дуэли: помещицы, словесники, разночинцы. Но всякий читатель поразится, сколь часто в его произведениях дело идет к дуэли, это один из самых устойчивых авторских мотивов. Значит, в сознании нашего поэта дуэль застряла как очень яркий образ, приобрела свойства устойчивого, но и подвижного стереотипа поведения.

Мог ли сочинитель дуэли Базарова и Павла Кирсанова в жизни обойтись без подобных эпизодов? Конечно же, нет. Более того, кто знает, возникла бы и эта дуэль в самом известном его романе, если бы именно в дни работы над «Отцами и детьми» не произошел конфликт с Л. Н. Толстым — 27 мая 1861 г. в имении А. А. Фета, из чьих воспоминаний вырастает вся ситуация, закрепленная и в письмах ее участников. Вообще завершение «Отцов и детей» и их первая публикация шли под знаком дуэли с будущим автором «Войны и мира»: конфликт 27 мая имел свое продолжение, ряд несостыковок и интриг, в результате чего он разрешился лишь осенью того же года. К счастью, все разъяснилось, но писатели прервали дружеские отношения, возобновившиеся лишь незадолго до кончины И. С. Тургенева: едва ли не последним в его эпистолярной серии стало обращение к Л. Н. Толстому — письмо очень глубокое и трагическое, в высшей степени соответствующее пафосу смерти в художественном творчестве двух великих писателей.

Напомним, что и сам роман в замысле рождался из образа смерти главного героя, но никак не по причине дуэли (приведем ввиду важности соответствующий фрагмент из беседы автора с американским литератором Х. Бойесеном: «Я однажды прогуливался и думал о смерти... Вслед затем предо мной возникла картина умирающего человека. Это был Базаров. Сцена произвела на меня сильное впечатление, и затем начали развиваться остальные действующие лица и само действие» [Тургенев: II, 356].

Вероятно, сцена дуэли в романе была выписана именно после конфликта с Толстым — Николай Петрович Кирсанов буквально повторяет фразу из тургеневского преддуэльного письма: «То, что я высказал, так далеко от привычек всей моей жизни, что я могу приписать это ничему иному, как раздражению, вызванному крайним и постоянным антагонизмом наших воззрений» [Фет: 374]. В романе: «Я верю, что вам нельзя было избежать этого поединка, который... который до некоторой степени объясняется одним лишь постоянным антагонизмом ваших взаимных воззрений» [Тургенев 1955–1958: III, 326]. Было бы даже смешно представить, что в письме Толстому Тургенев дал реплику из романа, конечно, все шло наоборот: сначала письмо, потом роман. Дуэль все же оказывается у Тургенева не просто нелепостью, она разрешает какое-то скрытое недовольство, раздражение, после нее наступает некая разрядка в напряженных отношениях — разрыв.

Не вдаваясь в детали, скажем, что в романе Тургенев отразился в Павле Петровиче, а уж Толстой — в Базарове, которому мог быть одним из прототипов. Напомним, в споре великих Тургенев по-кирсановски говорил о воспитании своей дочери, а Толстой по-базаровски его срезал, вызвав нервный приступ с оскорблениями.

Ради восстановления колорита отметим, что в этом эпизоде было два вызова: сначала Толстой посылает вызов Тургеневу, не удовлетворившись его устным извинением за прямую угрозу в духе Кирсанова с его палкой, а затем осенью уже сам Тургенев вызывал Толстого, узнав о распространении неких списков, якобы распущенных Толстым. Таков накал страстей, не приведший к поединку, но окрасивший все завершение работы над «Отцами и детьми».

Пристрастная в своих воспоминаниях А. Я. Панаева сообщила о едва ли бывшем эпизоде дуэли между Толстым и Тур-

геновым в Париже весной 1857 г.: «Знаешь ли, Некрасов, какую штуку выкинул сейчас со мною Толстой? Он сделал мне вызов. — Если бы даже был самый серьезный предлог, то вам стреляться невозможно! — дрожащим голосом сказал Некрасов» [Тургенев: I, 151]. Якобы стараниями Некрасова инцидент был исчерпан, но все это лишь панаевская легенда, впрочем, подтверждающая наше наблюдение о некоем дуэльном ореоле вокруг Тургенева.

Готовность поэта к дуэли подчеркивает в мемуарах и Е. Я. Колбасин, литератор из «Современника», ездивший вместе с Тургеневым в Лондон летом 1859 г.: «Выпрямился и, не говоря ни слова, со всего размаха ударил кулаком в грудь джентльмена в бархатном плаще так сильно, что тот отшатнулся назад. <...> достал из кармана свою карточку с адресом и сунул ему в руку. “Завтра явится к вам секундант от этого господина”, — сказал я Тургеневу. “Не бойтесь, не явится, англичанину пока не дашь в зубы, до тех пор он не уважает вас”» [Тургенев: II, 26]. Типичный *западник*! Рядом описан еще один подобный эпизод; скорее всего такое поведение Тургенева было для него обычным...

Говоря в письме Толстому о том, что «далеко от привычек его жизни» [Фет: 374], Тургенев был, с одной стороны, прав, поскольку, действительно не был бретером и не страдал показной воинственностью. А с другой — Тургенев не только грезил поединками в своих текстах, стало быть, образно переживал дуэли, но и совсем недавно уже был на грани дуэли, причем тоже с русским классиком — И. А. Гончаровым.

Это известно по знаменитой «Необыкновенной истории» (1875, публ. 1893), подробно отразившей конфликт Гончарова и Тургенева, которого автор «Обыкновенной истории» постоянно подозревал в плагиате. После выхода романа «Накануне» (начало 1860 г.) Гончаров не удержался от желчной реплики, что-де Тургенев празднует выход романа на его, гончаровские деньги, поскольку текст им навеян. Шутку просил передать Тургеневу, не ожидая, что его собеседник С. С. Дудышкин на такое решится, — тот простодушно решился, а Гончаров получил требование Тургенева и поспешил «признать свои слова за нелепые» [Никитенко]. От дуэли, где Гончаров видел секундантом того же Дудышкина, увело решение представить дело на третейский суд коллег, который плагиата не обнаружил. К дуэли более

не возвращались, но Гончаров затаил глубочайшую обиду и не прекратил своих подозрений никогда, о чем и свидетельствует «Необыкновенная история» [Гончаров].

И вот год спустя — Толстой.

Не будем вдаваться в развитие отношений между этими писателями после дуэльных эпизодов, это своя драматическая история. Например, Тургенев так характеризовал гончаровский «Обрыв»: «Мне даже страшно сказать, до какой степени я разочарован!!», «жвачка», «вспомните подобные описания в “Войне и мире”!» (письмо П. В. Анненкову, 12 января 1869 г.) [Тургенев 1955–1958: XII, 397–398].

Следующий дуэльный эпизод носит отчасти характер вымысла. Это конфликт 1867 г. с Ф. М. Достоевским.

По письму Достоевского А. Н. Майкову от 16 (28) августа известны обстоятельства ссоры в Бадене 28 июня в доме Тургенева, — в его, автора, интерпретации. После этой ссоры отношения стали откровенно враждебными.

Возможна ли была дуэль?

В 6-й серии недавнего сериала режиссера В. И. Хотиненко «Достоевский» дан эпизод, в котором Тургенев говорит о «страшном» преступлении Достоевского (по письму Н. Н. Страхова Л. Н. Толстому от 28 ноября 1883 г.), тот насакивает на него с кулаками, а Тургенев отстраняет его и бросает реплику, что дуэли между ними не будет. То есть дуэль предполагается.

Другая легенда разошлась в интернете в 2015 г.: на ряде сайтов появилась ссылка на воспоминания некоего графа Е. К. Сидоровича о драке писателей и вызове на дуэль — уже в Швейцарии в 1868 г. летом (см. например: [Мосунов]). Это, конечно, вымысел, но очень характерный: степень неприязни друг к другу была такова, что дай только повод. Придуманым этот эпизод можно считать вот по каким соображениям: граф Сидорович — вымышленное лицо, о нем нет других упоминаний; летом 1868 г. Тургенев ездил в Россию, болел, потом жил в Бадене и Карлсруэ, Достоевский же был в Веве, на западе Швейцарии, не разлучался с супругой, обстоятельства жизни его трагичны: в марте родилась, а в мае умерла дочь. Версия «Сидоровича» с ревностью и обливанием супами *не работает*.

Знаменитое письмо Достоевского Ап. Н. Майкову, а затем и краткое воспоминание А. Г. Достоевской рисуют конфликт, возникший на почве западничества: якобы Достоевский бросил

Тургеневу тяжкие упреки за роман «Дым» (1867), где высказано много негативных реплик в адрес России одним из главных героев — Потугиным. Якобы Тургенев в разговоре пошел даже далее своего персонажа...

Разрыв был резким — и уже навсегда, вплоть до пушкинского праздника 1880 г.: едких, а со стороны Достоевского и оскорбительных, реплик довольно в их письмах третьим лицам.

Могла ли быть дуэль на этой почве в 1867 г.? Нет, все же не дуэль. Страшно проигрывавший в рулетку Достоевский с 1865 г. состоял должником Тургенева: дуэль возможна только между равными и не зависящими друг от друга людьми, иначе должники бы легко отделялись от своих долгов. Надо сказать, что долг Достоевским был возвращен через третье лицо только в 1876 г.

Содержание романа «Дым» совершенно неадекватно тому, что пишет Достоевский о конфликте 28 июня: Потугин не авторское alter ego, реплики его слабы, вся структура романа отвечает совсем иным, вполне патриотическим идеям.

Думаем, наскок Достоевского на почве «Дыма» был вызван совсем другим: там едко обличалось игровое общество, самые мерзкие герои просят денег в долг («А я пришел было денежек попризанять, — проворчал Биндасов» [Тургенев 1955—1958: IV, 144]) — вот что не могло не задеть потерявшего голову от проигрышей автора «Игрока», а уж упреки в нелюбви к родине стали просто прикрытием мелких чувств.

Достоевский ненавидел своих кредиторов и не отдавал долги, доводя дело до описи своего имущества и угрозы тюрьмой! Такого рода эпизоды есть в «Преступлении и наказании». На относительно обеспеченного Тургенева Достоевский смотрел с недоброжелательством, затягивал с выплатой ему гонорара за публикацию в своем журнале «Эпоха» повести «Призраки» (1864).

Никаких намеков на Достоевского в романе Тургенева «Дым» нет, произведение не о нем, но чего недостает воспаленному сознанию?.. Зато отмщение было страшным: не только письмо Майкову, но самый роман «Бесы», где в образе Кармазинова откровенно пасквильно был выведен кредитор автора. Тургенев знал роман и многократно высказывался о недостойном приеме по своему адресу.

Менее известно, что фрагменты письма Достоевского Майкову с инвективами против Тургенева анонимно были при-

сланы издателю «Русского архива» П. И. Бартеневу и получили огласку. Зеркальная ситуация была прежде в истории с Толстым, там назревала дуэль, здесь же кредитор Тургенев ограничился объяснением с Бартевым и был удовлетворен его позицией недоверия майковскому письму («<...> это описание наполнено столь неумеренными выражениями и столь явными доказательствами болезненно-раздраженного самолюбия, что может вызвать в читателе только улыбку соболезнования» (письмо от 28 января 1868 г.) [Достоевский и Тургенев: 179]).

Достоевский не вернул долг и ко времени публикации «Бесов»!

«Дым» во многом несет черты памфлета, жанра, которым определяется и роман Достоевского. В нем есть и узнаваемые персонажи, хотя все же преобладает типизация. Очевидно, Достоевского раздражало описание игорной атмосферы, в которой тот вращался и губил себя со своей семьей. В противоположность этому, указание на Тургенева в образе Кармазинова дано чрезвычайно грубо. Ко всем очевидным деталям, включая героиню по имени матери Тургенева — Варвара Петровна, прибавим такое наблюдение. Кармазинов выведен автором очерка о кораблекрушении, где персонаж выглядит крайне неприглядно, — это неприкрытый намек на известную историю с молодым Тургеневым при крушении парохода «Николай I» в мае 1838 г. Данный эпизод болезненно переживался Тургеневым, ему было известно об извращенных толках на этот счет (см. его письмо 9 июля 1868 г. в редакцию «Санкт-Петербургских ведомостей» [Тургенев 1995: 38]). Тургенев незадолго до смерти даже сочинил очерк «Пожар на море», настолько тяжелым для него было это юношеское впечатление (заметим, что характер Тургенева столь многогранен и широк, что он умел и сам посмеяться над этим эпизодом, что отражено в воспоминаниях Д. В. Григоровича [Тургенев: I, 254])... Обозначив своего Кармазинова как Тургенева, Достоевский не скупится на брань («надутая тварь», «крыса» и др.), а указание на связи этого персонажа с террористами были просто опасны как своего рода донос куда следует...

Таких выпадов в художественных произведениях Тургенев не допускал, хотя в частных обстоятельствах высказывался о Достоевском резко, не уступая в оценках даже такому мастеру обличений, как М. Е. Салтыков-Щедрин, — в их переписке.

Достоевский повел *литературную* дуэль с Тургеневым в «Бесах», не забывая о романе «Дым». Его так задело это произведение, что он взял оттуда характерный мотив «чужие грехи» (у Тургенева — история Потугина) и несколько узнаваемых деталей. В «Бесах» Ставрогин кусает ухо губернатора Ивана Осиповича — в «Дыме» Тургенева есть параллель: «<...> чуть ли не приказал он кому-то ухо откусить» [Тургенев 1955–1958: IV, 27]; назойливому посетителю Шатов через дверь кричит «Шатова нет дома» — то же проделал ранее Литвинов: «Нет меня дома, — промолвил он резко. — Как нет дома? Это еще что за штука? — Говорят вам — нет дома; убирайтесь» [Тургенев 1955–1958: IV, 144]). Такое не забывается, хотя, конечно, это не плагиат — вновь вспомним к случаю мнительность И. А. Гончарова...

Впрочем, Тургенев тоже, вероятно, невольно повторяет деталь Достоевского из «Бесов» — в «Вешних водах» (1871), которые он писал, уже зная этот роман. В яркой сцене дуэли Ставрогин стреляет дважды на воздух и бросает реплику: «Я вовсе не объявлял, что каждый раз буду вверх стрелять! Вы вовсе не знаете, что у меня на уме» [Достоевский: 304] — у Тургенева: «Вы и во второй раз будете стрелять на воздух? — Может быть; не знаю» [Тургенев 1955–1958: VIII, 93]. Вот это «не знаю» очень психологически точно, но и идет от Ставрогина.

Так писатели обменивались литературными «выстрелами», не имея желания выйти на настоящий поединок.

В «Вешних водах», кстати, Тургенев не мстит за *Кармазина*, нет никаких выпадов против Достоевского, разве что вновь с презрением говорится о наших игроках за границей. Аллюзиями на реальных лиц Тургенев вообще пользовался с достаточной деликатностью, не доводя до личных оскорблений и стреляя лишь к типизации.

Углубимся в историю изображения дуэли в тургеневских текстах, исчерпав несколько житейских историй (было ли что-то еще в биографии?).

Пусть Тургенев отразил ставрогинскую позу в «Вешних водах», хотя очень сниженно и без «достоевской» экзальтации, но сама картина дуэли в «Бесах» повторила сюжет раннего «Дневника лишнего человека»: в этой повести 1850 г. Чулкатурин так же морально изничтожен соперником, как Гаганов Ставрогиним, и стреляет плохо. Князь показывает пренебрежение опасностью, вынужденно участвует в дуэли, наконец, стре-

ляет на воздух. Ставрогин, кстати, именуется «князем» — чисто фигурально, но тем не менее. Схожи и ранения этих «князей» — *царапины* (даже слово это звучит и там, и там).

Между прочим, мы уже затронули три произведения Тургенева, где выведена дуэль!

В «Дыме» тоже все было чревато дуэлью, так, Литвинов опасается вызова, встретив разъяренного генерала Ратмирова, которому успел наставить рога... Как тут не быть поединку, но нет, автор в последний момент уклоняется от этого сюжета, словно исчерпав бывшее горячее чувство.

А что бывало прежде — реки крови! Так в «Трех портретах» (1846) и «Бретёре» (1847). По сюжетным решениям Тургенев — настоящий бретер русской литературы, т. е. он провоцирует дуэли в десятках своих текстов... У какого писателя такое встретишь?

«Три портрета» завершаются принуждением к дуэли малодушного, но благородного дворянина Рогачева: «Вы дворянин, вы честный человек — так извольте же со мной драться» [Тургенев 1955–1958: V, 112]. Здесь встречается и мотив, близкий к истории 1861 г.: «<...> или деритесь... или я вас прибью палкой <...>» — знаменитая палка Павла Петровича и угроза нанести оскорбление Толстому.

В сущности, дуэль здесь превращается в убийство: «— Ну, так черт же с тобой! — Бедный Павел Афанасьевич упал мертвый: шпага Лучинова воткнулась ему в сердце» [Тургенев 1955–1958: V, 115]. Здесь, между прочим, взят и мотив все тех же «чужих грехов» (история побочных детей в семье Тургенева, включая и его «грехи»), только сделано все необычайно ярко, с парадоксальными решениями, со страстной романтикой XVIII столетия: Лучинов, мастер дуэли, умер в 1790 г. (Тургенев очень прилежен в хронологии), и конец показывает фальшь в героике дуэлиста: «Разбитый параличом, без языка <...> умер сам на руках у Юдича (старого слуги. — А. А.), который кормил его, как ребенка, и один умел понимать его несвязный лепет» [Тургенев 1955–1958: V, 115]. Так бы закончить и историю Сильвио — только это был бы уже не Пушкин...

Даже две дуэли изображены в повести с соответствующим заглавием — «Бретёр», хотя упомянуто и о многих других поединках странного героя, штабс-ротмистра Лучкова Авдея Ивановича.

В чем суть бретерства? Это поведение провокационное, стремление вызвать дуэль сознательно, т. е. не разрешение противоречий дуэлью, а тем более и не проявление некоей высшей, божьей силы в этом разрешении. Так ведет себя пушкинский Сильвио, которого, по злобности нрава, раздражает то или иное лицо, и он наносит оскорбление ради вызова. Это, конечно, рискованное, но бесчестное поведение. Другое дело, что такого рода дуэлисты бывали окружены славой, хотя заслуживали бы лишь наказания.

Черты энергичного пушкинского «Выстрела» есть в произведении Тургенева, даже совпадает деталь — след дуэли на картине. Но все же бретерство не вызывает у автора очарованности: жалок в итоге Василий Лучинов, разбитый параличом вскоре после убийства Рогачева, не менее негативно показан и Лучков: «Роста небольшого, неказист, лицо имел малое, желтоватое, сухое... Он рано остался сиротой, вырос в нужде и загоне» [Тургенев 1955—1958: V, 38] и проч. Словом, дуэлист изживает свои ущербные свойства или отдается болезненному темпераменту, а то и просто является психопатом. Сильвио в сравнении с этим возвеличен чрезвычайно.

Пушкинская аллюзия — след дуэльного выстрела на портрете — встречается и в рассказе «Конец Чертопханова» (1872), продолжении раннего рассказа «Чертопханов и Недопускин» (1849) из цикла «Записки охотника»: не застав соперника, Чертопханов пробивает кулаком его портрет: «За неимением его собственной гнусной рожи, дворянин Чертопханов изуродовал его писанную; и коли он желает от меня удовлетворения, он знает, где найти», — бросает тот реплику слуге [Тургенев 1955—1958: I, 385].

В рассказе 1849 г. Чертопханов тоже угрозой поединка восстанавливает справедливость, и автор явно поддерживает здесь героика дуэли.

Трудно решить вопрос, почему в творческом сознании Тургенева дуэль заняла такое место, стала навязчивым поворотом в сюжете. В его биографии не удастся найти тому объяснения, например, нет детской психологической травмы, на его глазах не гибли близкие, сам он не выходил к барьеру. Однако опасность дуэли преследовала писателя и имела амбивалентный характер: дуэль притягивает и одновременно пугает, но дворянин должен быть готов к поединку и не может позволить себе

струсить, должен преодолеть свою робость (мотив робости тоже сквозит в текстах и биографии Тургенева).

Примерно так обстоит дело в повести «Затишье» (1854): герои повздорили из-за мазурки с легкомысленной барышней, что очень часто встречается в литературе. Тургенев в который раз показывает, что дуэль случается без всякого серьезного повода, а тем более глубокой причины. Не обходится без иронии над пустой провинциальной жизнью в дворянской среде: «У нас без этого ни одного бала не бывает. Это уж так заведено. Последствий это никогда никаких не имеет. Кому охота подставлять свой лоб? Ну, а почему же не покуражиться, а?» [Тургенев 1955–1958: VI, 66].

Конечно, герою не спится накануне назначенного по всем правилам поединка, как это было с Печориным: он «<...> не мог назваться храбрецом, да и трусом он не был; но даже мысль о поединке с кем бы то ни было никогда ему в голову не приходила... <...> — Ну а если он точно убьет меня...» [Тургенев 1955–1958: VI, 65].

И вдруг все улаживается: неожиданно противник отказывается от поединка и приносит письменные извинения. «На сердце стало легче» [Тургенев 1955–1958: VI, 67], — заметит автор, но и вернется к этому эпизоду спустя много лет художественной хронологии: «Кого вы в секунданты себе просили, помните, когда вы так струсили?» [Тургенев 1955–1958: VI, 81], т. е. трусость или робость таилась где-то очень глубоко в сознании Астахова, внешне вполне готового к дуэли.

Напрашивается соображение, что именно после наиболее вероятной дуэли — с Львом Толстым — Тургенев стал относиться к этому более отстраненно: дуэль становится для него нелепостью, смехом автор преодолевает прежний комплекс. Так было в хрестоматийно изученной дуэли Базарова и Кирсанова, глупостью названа дуэль в «Вешних водах». В одном из самых поздних произведений — «Старый портрет» (1881) — насмешка над былой романтикой приводит к такой параллели: Мелания воображает, что предмет ее чувств погиб у барьера, в то время как на самом деле его убили бильярдным кием — прямо по голове...

Правда, в «Бригадире» (1868) сказано, что герой когда-то поединком «на шпантонах» принудил противника к извинениям, но вот каков этот герой в старости: «Я никак не был в состо-

янии себе представить, каким образом этот убогий старичок мог когда-то быть военным человеком, командовать, распорядиться <...> — Так вот он, бригадир-то, с тех мест и скопытился... Ну, а теперь уж он, конечно, не в числе человек» [Тургенев 1955–1958: VII, 109, 119]. Оказывается, геройство на дуэли не имеет никакой жизненной силы.

Своеобразна история сюжета в повести «Два приятеля» (1853): Тургенев, как это бывало в его творческом сознании, решает запутанную судьбу героя неожиданной, случайной смертью — персонаж ни с того ни с сего тонет: «Вдруг у него закружилась голова, и он упал в море... Пароход тотчас остановился, спустил лодку, но Вязовнин исчез навеки» [Тургенев 1955–1958: V, 456]. Такая легкая концовка вызвала насмешки критиков, и Тургенев в редакции 1869 г. заменил финал столь же немотивированной, бретерской дуэлью, которая показана как низкое, бессмысленное, но *узаконенное* убийство (дело происходит во Франции, в России дуэль с петровских времен считалась преступлением). Дуэль со звероподобным французом, офицером, а возможно, и сутенером, словно приравнена к нелепой смерти — с борта парохода: чтоб избавиться от исчерпавшего себя персонажа, подойдет и дуэль, что может быть глупее...

Конечно, Тургенев никогда не воспевал дуэль и до ссоры с Толстым, когда все стало такой близкой реальностью (выбраны были даже орудия поединка — любимые тем и другим охотничьи ружья, что должно было повлечь неминуемую смерть, поскольку оба были мастерами охоты)... Так, в «Дворянском гнезде» есть строчка о месье Жюле, «наглом и низком, как все дуэлисты и битые люди» [Тургенев 1955–1958: II, 188], который и пустил слух о смерти жены Лаврецкого... Кстати, Тургенев не раз ставил своих героев на грань вызова к барьеру из-за соперничества в любви, так было и в «Дворянском гнезде», и в «Дыме», и в «Нови» (1871): дуэлью чреват тургеневские сюжеты, хоть автор и не всегда решается довести дело до конца — наверное, не из врожденной робости.

Обратимся к выводам.

1. В психологии И. С. Тургенева дуэль является устойчивым образом и раздражителем. Опасность не только пугает, заставляет быть готовым к неожиданной развязке, но и притягивает своей внешней героикой или даже игрой со смертью. Позднее берет верх отторжение этого мотива как жестокой нелепости,

это отторжение может носить и смеховые черты: страх вытесняется смехом.

2. В художественном творчестве дуэль находится в ряду повторяющихся мотивов, причем в большом количестве произведений, ее присутствие не всегда внутренне мотивированно — это может быть случай, которого никто не ждет.

3. В обыденной жизни И. С. Тургеневу пришлось быть на грани дуэли, участником дуэльного ритуала, который не только отразился в творчестве, но и имел свою закономерную эволюцию. Живой облик Тургенева должен непременно включать в себя раздражительность, ироничность и конфликтность, которая имела протяженные во времени последствия (размолвки с друзьями-писателями длились десятилетиями).

4. Несмотря на вышеупомянутое, И. С. Тургенев в конфликтах проявлял благородство и подчас трагическое величие, как в предсмертном обращении к Льву Толстому, не переносил злобу дня в свои произведения.

5. В ряде случаев нереализованная в дуэли ненависть или просто предвзятость переходят в сферу художественного творчества: от памфлетных выпадов типа «Бесов» Ф. М. Достоевского до малозаметных заимствований деталей, показывающих пристальное внимание соперников к творчеству друг друга («Необыкновенная история» И. А. Гончарова).

6. Мотив дуэли имеет в творчестве И. С. Тургенева свою внутреннюю эволюцию, на которую повлияла и биография писателя. Так, первые творческие опыты отражают притягательность и яркость дуэли как таковой, а не только в качестве удобного сюжетного хода («Старые портреты», «Бретёр»); дуэль теряет яркость, но становится опасным испытанием («Затишье»); позднее дуэль превращается в комический эпизод, разряжающий, однако, накопленное раздражение («Отцы и дети»); далее дуэль становится просто сюжетной находкой для финала («Два приятеля», редакция 1869 г.) и, наконец, «глупым», трафаретным поступком, не имеющим никаких весомых оснований и последствий, — дуэль исчерпала себя.

7. Дуэль остается у И. С. Тургенева верным способом раскрыть героя: от низких до высоких проявлений, от примитивной и уродливой жестокости до великодушия и благородства (Базаров) — перечисление всех проявлений характера тургеневских героев в дуэли может быть темой особого исследования.

Литература

Гончаров И. А. Необыкновенная история URL: <http://goncharov.lit-info.ru/goncharov/proza/neobyknovennaya-istoriya/neobyknovennaya-istoriya.htm>.

Достоевский и Тургенев. Переписка. Ленинград: Academia, 1928. 224 с.

Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. Москва: Художественная литература, 1957. 760 с.

И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. Москва: Художественная литература, 1969.

Мосунов Игорь. Дуэль между Тургеневым и Достоевским URL: <https://www.proza.ru/2010/09/26/554>.

Никитенко А. В. Дневник. Запись 29 марта 1860 URL: <http://feb-web.ru/feb/gonchar/critics/gvs/Gvs-115-.htm>.

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 9: Письма. Москва: Наука, 1995. 478 с.

Тургенев И. С. Собрание сочинений: В 12 т. Москва: Гос. изд. художественной литературы, 1955–1958.

Фет А. А. Воспоминания: В 3 т. Т. 1. Москва: Культура, 1992. 464 с. (Репринт издания 1890 г.).

References

Goncharov I. A. Neobyknovennaya istoriya URL: <http://goncharov.lit-info.ru/goncharov/proza/neobyknovennaya-istoriya/neobyknovennaya-istoriya.htm>.

Dostoevskij i Turgenev. Perepiska. Leningrad: Academia, 1928. 224 s.

Dostoevskij F. M. Sbranie sochinenij: V 10 t. T. 7. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1957. 760 s.

I. S. Turgenev v vospominaniyakh sovremennikov: V 2 t. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1969.

Mosunov Igor'. Duel' mezhdu Turgenevym i Dostoevskim URL: <https://www.proza.ru/2010/09/26/554>.

Nikitenko A. V. Dnevnik. Zapis' 29 marta 1860 URL: <http://feb-web.ru/feb/gonchar/critics/gvs/Gvs-115-.htm>.

Turgenev I. S. Polnoe sbranie sochinenij i pisem: V 30 t. T. 9: Pis'ma. Moskva: Nauka, 1995. 478 s.

Turgenev I. S. Sbranie sochinenij: V 12 t. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoj literatury, 1955–1958.

Fet A. A. Vospominaniya. V 3 t. T. 1. Moskva: Kultura, 1992. 464 s. (Reprint izdaniya 1890 g.).

Сведения об авторе: Антон Андреевич Аникин; кандидат филологических наук; доцент; Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина; доцент кафедры русского языка; aanikin@rambler.ru; сфера научных интересов: история, теория, преподавание литературы.

The author's profile: Anton Andreyevich Anikin; Candidate of Philology; Associate Professor; Kosygin Russian State University; Associate Professor of the Russian Language Department; aanikin@rambler.ru; research interests: history, theory, teaching methods in Literature.